

Знаете, каким он парнем был...

Почти год назад, начиная эту рубрику с благословения «ВМ», я не определял значимость и очередность фотографий, поскольку все они дороги мне, не называл точное их число, ибо оно зависело не только от благосклонности редакции, но и от реакции читателей на мои «штудии». Прикинул на глаз — штук двадцать. И вот теперь, на финише, вижу: прикидка оказалась точной.

Перед вами, дорогие друзья, последний «кадр» миниатюрной фотолетописи. Двадцатый. Завершающий. А потому, могу позволить себе не отрезать автора от героя, что делал много раз, когда оказывался на фотографии рядом с теми, о ком хотел рассказать. Тут даже своеобразная традиция, заведенная нашими знаменитыми кинорежиссерами: оставлять свой «физиономический автограф» в фильме. Помните, как Эльдар Рязанов спал на чучеле бегемота в «Гараже»? Но я заболтался. К делу!

Стадион — один из символов легендарных шестидесятых. Можно спорить — главный или не главный, но это уже детали. Ибо то, что именно в чаши спортивных арен был в ту пору щедро наливаем пьянящий напиток хрущевской оттепели, — бесспорно. Это ведь оттуда, из тех лет, одурманивших наркотиком свободы целое поколение, пришел знаменитый парафраз Андрея Вознесенского: «Пока не требует поэта к священной жертве стадион...»

В нем — не только ирония. В нем — эхо пушкинских рифм, среди которых «воля-доля» одна из определяющих...

На стадионы вышла поэзия, до того прозябавшая в тощеньких книжках с тиражами, напоминавшими своими цифрами зарплату совслужащих. Загрели на всю страну молодые, звонкие, щеко-чущие ноздри, словно грозовой озон, имена: Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина, Юрий Казаков...

На зеленые газоны, взрыхленные гениальными бутсами Всеволода Боброва, соперничая с ним в популярности, вышла песня. Новая, крепкая, нежная, звучащая дерзким диссонансом маршам и гимнам пятидесятих... Трибуны стали эстрадой, которая позволяла себе неслыханные прежде дерзости. Штепель и Тарапунька слыли национальными героями. Хотя никто тогда не определял их национальности: все вокруг было «наше», родное, общее.

Этот снимок тоже сделан на стадионе. Знаменитый певец Юрий Гуляев запечатлен после концерта на калининском «Химике». Видите — у него в руках букет цветов...

Должен сказать, что одной из проблем публикации «Стоп-кадров» было определение даты съемки. Не предполагая, что когда-нибудь мне понадобятся точные «координаты» фотографий, я просто складывал их в конверты, надеясь, что при необходимости память подскажет. Наивные надежды. Порой, отыскивая атрибуты снимка, приходилось перекапывать горы бумаг, листать книги, звонить, а то и писать друзьям, знакомым.

Фотография Гуляева тоже оказалась абсолютно чистой — ни одной пометки на обороте. То, что сделана она на стадионе «Химик», помнил точно, а вот когда — весьма приблизительно.

Листаю подшивку калининской молодежной газеты «Смена». В одном из номеров за 1967 год нахожу свой же репортаж с концерта на стадионе. Упоминается там и Юрий Гуляев. Одновременно отыскиваю еще несколько свидетельств: снимки Марка Бернеса, Зинаиды Кириенко, Михаила Пуговкина, их автографы на листках из моего блокнота. Вот что написал Бернес:

«Мои дорогие молодые друзья! Держайте. За смелыми Правда и Счастье. Желаю вам всего самого хорошего». И дата — 1967 год.

Этот концерт помнится всем, кто побывал на нем. Стадион был забит до отказа. Их принимали восторженно — Эдиту Пьеху, Тарапуньку и Штепеля, Михаила Пуговкина... Но особенно тепло и трогательно — Бернеса и Гуляева. Скандировали, не отпускали, пролили пот еще и еще.

И они пели. Войдя в служебную комнату под трибуной, Марк Бернес утер платком пот со лба:

— Ну, братцы, и денек выдался! Поесть не успел. Так что уж извините...

Раскрыл дорожную сумку, достал пакет с бутербродами, сваренное вкрутую яйцо, шмякнул его о канцелярский стол, очистил, съел и выдохнул радостно:

— Прекрасная публика! И день сегодня замечательный. Ну что там у кого? Подходите.

Ему протянули добрый десяток блокнотов. И мой был среди них.

Получив автограф, я бросился на трибуну, боясь упустить Юрия Гуляева, который заканчивал выступление под гром аплодисментов.

Десять минут спустя стояли с ним в скверике, и он неторопливо рассказывал о себе, о сибирской своей юности, о счастье петь для людей — и на оперной сцене, и на стадионе, как сегодня.

В нем — во всем его облике, в голосе — чувствовалась значительность, масштабность, которая, однако, не мешала его обаянию, естественности, доступности даже для случайного в общем-то собеседника.

Что знал я о нем? Что родился он и вырос в Тюмени. Что любовь к музыке началась с баяна. И еще — что первый «заход» в консерваторию окончился для Юрия сокрушительно — его признали к пеню... непригодным.

Другой опустил бы руки, но он проявил поистине сибирский характер и одолел барьер со второго захода.

Дальше — учеба, постижение ремесла и стремительный взлет. Редкий по красоте лирический баритон покорила сердца россиян, зазвучал на зарубежных эстрадах. Гуляева, что называется, рвали на части.

«Знаете, каким он парнем был?...». Это потом он спел о теще — Юрии Гагарине. Одну из самых знаменитых своих песен.

Но она — и о нем. Он жил ярко, открыто. Пел в Большом. Писал песни. Дружил с поэтами.

Оказавшись в Москве, я собирался продолжить знакомство с ним. Но не успел.

В память о том давнем солнечном лете, о стадионе на берегу Волги, о нашей беседе осталась вот эта фотография Юрия Гуляева. 1967 год... Впереди у него были самые звонкие, самые счастливые дни, признание и слава, большая, «всенародная» любовь.

P.S. Ну что ж, вот и закончилось растянувшееся на целый год наше с вами путешествие в пространстве и времени. Хочу надеяться, что оно не было для вас слишком утомительным, и благодарю за долготерпение. Спасибо за ваши письма, фотографии, советы и пожелания. Думаю, что они пригодятся в новом «предприятии», задуманном для «Вечерки». В каком? Пока не стану называть. Скажу только, что связано оно с именем Пушкина.

Алексей ПЬАНОВ